

НАТАЛЬЯ
КАЛИНИНА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
ДЛЯ СМЕРТИ

Мистический узор судьбы

Наталья Калинина

Колыбельная для смерти

«Калинина Наталья»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Н. Д.

Колыбельная для смерти / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2018 — (Мистический узор судьбы)

ISBN 978-5-04-097431-3

У Лизы есть дар ясновидения, но она почему-то не может найти любимого мужчину, который пропал уже больше года назад. Помогать девушке взялся знаменитый экстрасенс Владлен, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки. Все становится еще более запутанным, когда в полуразрушенном пансионате находят тела трех подростков, а сам Владлен погибает. Теперь Лизе предстоит заглянуть по ту сторону смерти, рискуя не найти обратную дорогу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097431-3

© Калинина Н. Д., 2018
© Калинина Наталья, 2018

Содержание

Пролог	6
1	9
2	15
3	22
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Дмитриевна Калинина

Колыбельная для смерти

© Калинина Н., текст, 2018

© Исаева О., иллюстрация на обложке, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Страх сковал ноги, и каждый шаг получался механическим, как у робота. Если бы не сумерки, в которых растворялись окрестности, дерганая походка Егора вызвала бы новые насмешки. Хватит уже и того, что он, не разобрав в потемках дороги, наступил в глубокую лужу. Бугай в ответ на громкий в вязкой тишине всплеск разразился хохотом. За ним загоготали остальные и еще долго не могли успокоиться, фыркая и хрюкая от разбиравшего их смеха. В кроссовках неприятно чавкало, пальцы в промокших носках сводило от холода. Развернуться бы, плюнуть на все и уйти, да только как потом жить с таким позором? К насмешкам Егор привык. Но что скажет Ленка? А то и скажет, что он слабак. Презрительно изогнет накрашенный рот и отвернется. Она трусов не любит. «А не засышь?» – так и звучал в голове голос одноклассницы. Если бы Егор увидел вчера в ее синих глазах с длинными ресницами, от взмаха которых замирало сердце, недоверие или привычное презрение, он бы отступил. Залез бы, как обычно, в свою раковину, чтобы пережить унижение молча. Но в глазах Елисейевой неожиданно мелькнуло удивление и что-то похожее на уважение. Ободренный мимолетным взглядом, которым его удостоила первая красавица во всей параллели, Егор ломающимся баском прилюдно заявил, что не струсит. И вот он тут, ради Ленкиного внимания, которого, казалось, ему никогда было не заслужить. Но раз возник такой шанс, разве он его упустит?

Мысли о Лене приободрили. Егор расправил ссутуленные плечи и даже зашагал ровнее. Да только тут же и был сброшен с небес на землю – в буквальном смысле слова. Нога попала в ямку, и он распластался в жидкой грязи. Одно хорошо – падать было не больно. Бугай загоготал, захлебываясь от восторга, когда Егор поднялся и нелепо расставил в стороны испачканные руки. Кто-то из компании, кажется Седов, тут же ослепил фотовспышкой. Дерьмо какое! Теперь о его позорном падении узнает не только вся параллель, но и как пить дать Ленка.

– Ну чо, домой к мамане? – злорадно поддел Бугай. – Стирать штанишки? Еще не пришли, а уже обделался.

Дружки-подлипалы услужливо захрюкали. Бугай неспроста заслужил погоняло, которое даже учителя использовали вместо фамилии. Мало того что его комплекция – рост под метр девяносто и вес под центнер – внушала уважение и страх. Так еще и по возрасту он был старше своих одноклассников, потому что дважды оставался на второй год. И горе тому, кто вставал у него на пути. Или тому, кого Бугай выбирал «мальчиком для битья», – Егору ли не знать. А после этого падения в грязь ему и вовсе житья не будет. Все это вспышкой пронеслось в голове, и неожиданно нахлынувшая злость придала храбрости и решительности. Егор оттер о штаны ладони, повел, разминаясь, плечами и нарочито небрежным тоном скомандовал:

– Пошли!

Он первым двинулся вперед – туда, где виднелись в желтоватом свете придорожного фонаря покосившиеся ворота. Бугай громко хмыкнул и затопал следом, а за ним – остальные.

Створки ворот крепко связывала металлическая цепь. Узел ее служил хорошей приступкой. Бугай грубо оттеснил Егора плечом и первым полез по ту сторону забора. Нога в тяжелом ботинке уверенно оперлась о цепь, руки вцепились в верхние края створок. Ворота жалобно застонали и заходили ходуном под его весом, когда Бугай перекинул через них ногу. На мгновение Егору показалось, что хлипкие ворота сейчас рухнут. Найдется ли тогда хоть толика здравого смысла у свиты Бугая не заржать над своим главарем? Егор на секунду зажмурился от удовольствия, представляя себе падение ненавистного врага, пусть это и породило бы следом бурю сокрушительного гнева. Но Бугай уже ловко перекинул через створку вторую ногу и мгновение спустя глухо приземлился по ту сторону ворот. Судя по тому, что никто не спешил следовать за ним, Егор понял, что настала его очередь.

Он долго корячился на шатающихся под ним воротах, как неуклюжая толстушка-одноклассница на гимнастических брусьях, пока наконец не перевалился через них и не свалился кулем на землю. Судя по раздавшемуся за спиной подленькому хихиканью его плачевные спортивные потуги тоже засняли на мобильный. Быть ему завтра героем дня. Ну что ж, терять и так нечего. Егор мотнул головой в ответ на подколки Бугая и огляделся. В тусклом свете оставшегося по ту сторону забора фонаря территория полуразрушенного пансионата выглядела не просто жутковатой, а по-настоящему inferнальной. Деревья с поредевшими кронами, словно в предсмертной молитве, воздевали к чернильному небу костлявые ветви-руки. Ветер тревожил кроны, отчего «руки» раскачивались и дергались, как у больных пляской Витта. Растянувшееся, словно порванная гармонь, здание главного корпуса хищно поблескивало редкими уцелевшими стеклами. Егору, воображение которого не к месту разыгралось, показалось, будто здание на самом деле живое. Эдакое неведомое чудовище, подстерегающее очередную жертву. Ему даже в шуме ветра слышалось бурчание голодного брюха. Глупые они, раз сами идут к чудовищу в пасть! Но Бугай уже взбежал по выщербленным ступеням раздолбленного крыльца и потянул на себя одну из приколоченных поверх двери досок. Егор же невольно замедлил шаг, хотя сзади раздавался топот ботинок и перемежаемое смешками улюлюканье.

– Что, зассал? – гыкнул кто-то сзади. И следом Егор получил ощутимый тычок кулаком под лопатку. – У-у-у, мы зо-омби-и-и!

Дурачась, кривляясь, шатаясь из стороны в сторону, двое из свиты встали по бокам и повели его напрямик к возвышающемуся на крыльце, словно на постаменте, Бугаю с выломанной доской в руках. Деваться некуда, уже не сбежишь.

Едва Егор перешагнул порог, как очутился в сыром спертom воздухе, в ноздри ударил запах протухшей мешковины, защекотало в ноздрях от пыли. Он торопливо потер нос, чтобы не чихнуть, и вытаращил глаза, надеясь, что так зрение скорее привыкнет к темноте. Идти пришлось вслепую, благо вели его под локотки двое «конвоиров» и не давали упасть. Егор понимал, что к этой «прогулке» его сопровождающие тщательно подготовились – запаслись не только фонариками, но и придумали, как запугать пострашнее, поэтому все ждал, когда что-то *начнется*. Но хоть он и вслушивался в темную тишину, совсем не оказался готовым к тому, что неожиданно окажется один. Только что рядом раздавались короткие смешки то ли Седова, то ли Лисицына и шорох их шагов, заглушаемый толстым слоем осыпавшейся штукатурки, и вот он осознал, что уже долго он не слышит никаких звуков.

– Эй? – тихо спросил Егор, стараясь голосом не выдать липкого страха, от которого взмок затылок. – Эй, вы где?

Он надеялся, в этот раз действительно надеялся на то, что в ответ раздадутся насмешки и противный гогот, но темнота не отозвалась даже вздохом. Вот он и столкнулся с первой из припасенных для него пугалок – внезапным одиночеством. Значит, теперь следует ожидать, когда на него выпрыгнут с воплями из-за угла. Егор одновременно и приободрился, и насторожился, чтобы не оказаться застигнутым врасплох. Затем достал из кармана фонарик и включил его. Что там говорили пацаны? Подняться на второй этаж, пройти через левое крыло, добраться до последней комнаты, позвонить Бугаю на мобилу, чтобы тот засек время. И высидеть в полной темноте полчаса. Полчаса – это даже не час. Бугай хвалился, что провел однажды здесь целую ночь. И в его рассказах не было ни армии зомби, ни призраков, ни прочей нежити. Бугай, напротив, презрительно сплевывая через щербину между передними зубами, отзывался обо всех слухах как о бабушкиных сказках. Нет ничего на стройке, крысы да кошки! Впрочем, даже после того, как Бугай собственноручно постарался развеять все детские страшилки, которые порождало у школьников полуразрушенное здание, других смельчаков прогуляться ночью по территории пансионата и его двум этажам не нашлось. Только Егор неожиданно и для себя, и для одноклассников вызвался. Если бы не Ленка...

Если бы не Ленка и дикое желание заслужить хоть толику ее благосклонности, спал бы он себе спокойно в теплой удобной постели, грезил бы об однокласснице в ярких и мучительных снах, о которых наутро ему становилось стыдно вспоминать, а не шатался бы здесь. Крыс Егор не боялся, а кошек так и вовсе любил, но в потемках воображение не на шутку разыгралось, в голову полезли неуместные вопросы – а правда ли, как говорят, тут обитают призраки? Рассказы о привидениях днем казались нестрашными и даже банальными, но только до тех пор, пока он сам не очутился здесь. Один. Впрочем, один ли? Стоило задаться этим вопросом, и тишина наполнилась вздохами, шорохами и скрипами. А в посветлевшей темноте замелькали угольно-черные тени. Егор едва не закричал. Страх, оставшийся, казалось, у крыльца, скользнул бесшумной кошкой и преданно обвился вокруг ног. Не сделать опять ни шагу. Егор малодушно вытащил телефон и набрал номер Бугая. Ну и что, что еще не дошел до нужного места. Похоже, его никто не проверяет. Как пить дать вышли пацаны на улицу и поджидают снаружи. А может, и вовсе решили не дожидаться. От мысли, что розыгрыш заключается в том, чтобы оставить его совсем одного, Егор натужно сглотнул. Гудки в мобильнике раздавались тревожно-длинные, но никто не брал трубку. Наверняка специально маринуют. Егор сунул телефон в карман и решительно, отгоняя страх, как паршивую кошку, шагнул вперед. А вот и лестница – самая обычная, на первый взгляд ничем не примечательная, но, однако, странным образом растянувшаяся до бесконечной в тысячу и одну ступень. Вела она не вверх, а, казалось, спускалась в преисподнюю. Темнота вздыхала и хрипела, что-то хлюпало под ногами, тошнотворная вонь затхлого тряпья забивала ноздри. Казалось, поднимается Егор уже целую вечность. Может, правду говорят о бывшем пансионате, что творятся тут странные и страшные дела? Местный богач начал здесь стройку навороченного туристического комплекса, но по какой-то причине ее заморозил. Егор еще надеялся, что где-то рядом раздастся хохот его спутников. Ведь ощущал же он чье-то присутствие!

Наконец-то лестница закончилась. Егор вышел в узкий коридор и толкнул первую попавшуюся дверь. Бугай не уточнял, где именно он должен высидеть положенные полчаса. Так какая разница. Он уселся на подоконник, предварительно стерев с него рукавом строительную пыль, помаячил фонариком в окно, но ответного сигнала не увидел. Егор снова набрал номер Бугая, а затем – Седова. Не получив ответа, отстучал сообщение, стараясь за злостью скрыть страх: «Козлы, вы где?» Время тянулось бесконечно. И хоть казалось, что прошел целый час, на самом деле всего три минуты. Дабы чем-то себя занять, он обвел фонариком помещение, в котором нужно просидеть еще двадцать семь минут, и уныло вздохнул. Похоже, тут когда-то был кабинет: луч света выхватил заваленный размякшими от сырости коробками и строительным мусором стол и стоявший рядом колченогий стул. На стене еще сохранилась какая-то картина. Егор спрыгнул с подоконника и подошел поближе, чтобы рассмотреть изображение. Картина его не впечатлила: темные разводы на фоне бесформенных ляпков. Кому настолько понравились эти «художества», что он повесил их на стену? Егор громко хмыкнул, заглянул от скуки в одну из коробок, увидел там лишь толстые гроссбухи и развернулся, чтобы опять посигналить фонариком. Но луч вдруг высветил сидевшую на хромом стуле фигуру.

– Бугай, ты? – в растерянности пробормотал Егор. Хоть уже и понял, что таращится на него черными глазницами совсем не одноклассник.

1

Мобильный зазвонил уже на выходе из здания университета. Лиза остановилась на широком крыльце и достала телефон, из которого доносились тревожные ритмы «Kelch der Liebe» любимой ею «Lacrimosa».

– Проверь почту, – произнес, минуя приветствие, собеседник и тут же отключился. Девушка увидела на дисплее появившийся значок, извещающий о принятом ею имейле, и открыла приложение. К письму было прикреплено четыре файла, но само оно не содержало текстового сообщения. Впрочем, Лиза уже привыкла к тому, что звонивший ей человек не разменивается на слова, поэтому не удивилась. Пока загружались полученные фотографии, она успела спуститься с крыльца и найти свободную лавочку. С неба сыпало мелким, словно просеянным через сито дождем, влага пудровой вуалью покрывала плечи и сплетенные во множество косичек волосы. Лиза досадливо поморщилась: за четыре года проживания в столице она так и не привыкла к морозящим дождям. Пожалуй, лучше зайти в кафе, которое располагалось неподалеку от здания университета. Она уже было привстала с лавочки, но в это время открылась первая фотография.

Ей доводилось видеть раньше мертвые лица, и Лиза знала, что смерть никого не красит, но невольно содрогнулась и едва справилась с желанием немедленно удалить снимок из памяти телефона. Молодому человеку, чье лицо было снято крупным планом, могло быть не больше двадцати лет, хоть в первый момент, обманувшись седыми волосами, Лиза приняла его за мужчину в возрасте. Черты парня обезображивала маска страха: рот был раскрыт в немом крике, остекленевшие глаза выпучены так, будто за мгновение до смерти несчастный увидел нечто ужасное. Лиза торопливо пролистала остальные снимки. На двух из них были запечатлены мертвые лица, очень похожие на первое выражением ужаса и выбеленными слишком ранней сединой волосами. На четвертом снимке был еще живой человек – светло-рыжий мальчишка с белесыми ресницами, круглыми карими глазами и тонким бледным ртом. Лиза невольно задержала взгляд на этом изображении. О том, мертв ли этот подросток, которому на вид было лет четырнадцать-пятнадцать, или все же, в отличие от остальных, жив, размышлять сейчас не хотелось. Настроение, до этого хорошее, испортилось и стало под стать погоде – пасмурным и дождливым. Лиза тяжело поднялась с лавки, и в это время телефон в ее руке ожил.

– Посмотрела? – спросил все тот же мужчина.

– Да.

– И?

– Приятного мало, – выдавила она. – Это же подростки? Мертвые...

Ее голос невольно дрогнул. Как бы ей ни хотелось, сколько бы она над этим ни работала, абстрагироваться не получалось.

– Младшему из них пятнадцать. Старшему – семнадцать, – ровно произнес мужчина.

– Все равно... – пробормотала Лиза. – Слишком юные для того, чтобы умереть. И седые! Почему они седые?

– А это я надеюсь от тебя услышать, – ответил собеседник и чуть усмехнулся в конце фразы.

– Мне нужно знать все, что уже известно, – сказала Лиза после недолгой паузы, с тоской думая о том, что этим вечером придется заниматься явно не подготовкой к завтрашнему семинару.

– Это может тебе помешать. Сбить с нужной волны, – ответил мужчина. – Впрочем, подробностей почти нет. Три тела нашли на заброшенной стройке на месте разрушенного пансионата в Подмоскowie. А судьба четвертого пацана неизвестна.

– В каком городе находится стройка? – продолжала допытываться Лиза, хоть и знала, что ее собеседник специально не желает делиться информацией. Но мужчина неожиданно ответил:

– Я пришлю тебе все на почту.

И из того, что он так быстро сдался, Лиза сделала вывод, что случай для него представляет особый интерес.

Дождь усилился, застучал неровной дробью по зернистому асфальту, зашуршал в поредевших кронах, сшибая на землю листья цвета корицы. Лиза прибавила шагу, направляясь к кафе, в котором нередко перекусывала в большой перерыв. Можно было бы добежать до остановки и отправиться домой, как она изначально собиралась, но настроение уже было испорчено увиденными фотографиями. А чашка горячего шоколада неплохо излечивает от душевных ненастий.

В помещении, в котором кофейные запахи уютно смешивались с ароматами выпечки, было, как всегда, многолюдно, но Лиза углядела среди занятых столиков один свободный. И пусть он находился совершенно в невыгодном месте – между дверями на кухню и в туалет, она решительно направилась туда, заказав по пути чашку шоколада и безе. В привычном шуме, порожденном многоголосием студентов, неприятные ощущения утихли, легкая головная боль прошла, как после таблетки анальгетика. Лиза с благодарной улыбкой приняла от официантки заказ и выложила на столик телефон. И хоть на экране уже маячил значок, извещающий о принятом имейле, она сначала неторопливо выпила полчашки тягучего шоколада, который, может, и не был самым лучшим в городе, но приятно согревал. И только когда ощутила разливающийся теплом по телу покой, открыла сообщение.

Не было ни вступительных слов, ни каких-либо пояснений. Отправитель просто перечислил в столбик название поселка, наименование бывшего пансионата, на месте которого затеяли строительство нового оздоровительного комплекса, имена погибших ребят, их возраст и имя пропавшего без вести – Егор Поляков. Лиза перечитала список, сделала глоток затягивающегося густой пленочкой шоколада, а затем забила в поисковик населенный пункт. Она не собиралась туда ехать, но любые детали, связанные с «делом», помогали настроиться на нужную волну. Не прав был ее собеседник: чем больше она знает, тем для нее только лучше. Лиза понимала опасения мужчины, что из-за избытка информации она возьмет ложный след, как бывало поначалу. Но теперь она научилась разбираться в сведениях, сортируя их на те, которые могут помешать, и те, которые помогут.

Работу с фотографиями Лиза отложила на дом, потому что это дело требовало особого сосредоточения. Но с интересом пробежала взглядом сведения о поселке. Пока загружалась программа гугл-мапс, она отколупнула кусочек крошащегося под ложечкой безе, добралась до мягкого и липкого слоя и сунула в рот сладкую белковую массу.

До подмосковного городка, в котором располагался бывший пансионат, было два с половиной часа пути: вначале нужно было час сорок ехать на электричке, затем столько же на автобусе, а оставшуюся часть дороги предстояло идти пешком. Рассматривая карту, девушка задумчиво покусала костяшку большого пальца, а затем, будто опомнившись, тряхнула многочисленными косичками.

– Здорово, Лиз! – раздался напротив знакомый голос. Она торопливо закрыла экран смартфона и подняла взгляд на оказавшегося у ее столика Олега Барашова. Сокурсник, которого в тот день не было на лекциях, небрежно оперся ладонью о столешницу и улыбнулся Лизе в своей манере – чуть лениво и снисходительно.

– Здорово, Барашов, – вздохнула она, недовольная вмешательством. Олег отодвинул свободный стул и вальяжно расселся напротив.

– Я уже уйду, – поспешно проговорила Лиза и одним глотком допила остатки остывшего шоколада.

– У тебя усы! – усмехнулся Олег, проигнорировав ее реплику. Лиза торопливо облизнула губы, и этот ее жест не остался без комментария:

– Как сексуально!

– Барашов, у тебя что, девушки давно не было? Аж со вчерашнего вечера? – поддела его она. Олег считался красавцем, Лиза знала как минимум четырех девушек на курсе, которые были влюблены в него. Только вот у нее Барашов никакого интереса не вызывал. Более того, раздражал своей панибратской и нагловатой манерой вести разговоры хоть с ровесниками, хоть с людьми намного его старше. Впрочем, Олег тоже мало уделял внимания Лизе. Вот уже второй месяц он встречался с Аленой Скворцовой из параллельной группы – высокой и тонкой красавицей с длинными светло-русыми волосами и небесными глазами. Скворцова уже давно и успешно работала моделью, на занятиях появлялась так же редко, как и Олег. Вот и сейчас, поговаривали, улетела на съемки куда-то за границу. Лиза со Скворцовой за почти четыре года учебы в университете ни разу не заговорила, общих интересов у них не было, других точек соприкосновения тоже.

– Лиз, мне нужна твоя помощь, – заторопился Олег, увидев, что она поднялась с места с намерением уйти. – Я тебя специально искал.

– Плохо же искал, Олег! Я обычно на занятиях, а не в кафе расслаиваю.

– Знаю, знаю, – пробормотал парень, морща лоб. – Но я не мог сегодня прийти раньше. Дела... Я, собственно, о чем. У тебя ведь есть хата? Свободная? Ну, в смысле, ты одна, без предков живешь?

– Олег, я вечеринки у себя дома не устраиваю, – отрезала Лиза, поняв, куда клонит Барашов.

– погоди! Лиз? Нам только на один вечер. Даже не до утра! У меня такая ситуация, что... У меня день рождения, двадцать один. Второе совершеннолетие, можно сказать! Я ребят пригласил... Ты тоже приглашена, Лиз!

– В мой собственный дом? – ухмыльнулась она. – Ну что ж, спасибо!

Олег ее издевку пропустил мимо ушей и, наклоняясь к ней через столик, горячо зашептал:

– Лиз, ребята уже все купили. Я у себя собирался устроить. Думал, предки уедут на все выхи на дачу, а там такая ситуация приключилась... В общем, они остаются дома. Могут, конечно, уйти в гости к друзьям. Но вернутся же рано! А мы...

– Барашов, нет! Я сказала, что нет.

– Мы шуметь не будем. И уберем за собой.

Поняв, что продолжать разговор бесполезно, Лиза поднялась, перекинула через плечо ремни рюкзака и направилась к стойке расплачиваться.

– Ну и иди ты, зануда! – ругнулся ей в спину Олег. – Без тебя обойдемся!

Что он еще прокричал ей вслед, Лиза уже не различила. В дверях кафе она чуть не столкнулась с входящим в помещение молодым человеком, и ее обожгло радостью. С губ едва не сорвался оклик, но следом за этим наступило разочарование. Просто обозналась. Не в первый и, наверное, не в последний раз. Незнакомый парень вежливо придержал ей дверь, но от этого на душе стало лишь горше.

Она шла по мокрой улице, пиная с досадой мокрые листья, чей золотисто-коричневый цвет от влаги побурел, как у раскисшего картона. Без зонта, под этим проклятым дождем, ритмичный стук которого стал назойливым саундтреком ее жизни. Ей как-то удалось выжить после инфаркта разлуки и реанимировать остановленное болью сердце. И даже, как думалось, загнать в ремиссию смертельную любовь. Но потом случались рецидивы, когда ищущий взгляд выхватывал из толпы похожее лицо, цеплялся за расцветку рубашки или ветер подбрасывал вместе с запахами воспоминания. И тогда Лиза понимала, что излечилась лишь от острой стадии, но сама «сердечная болезнь» так и осталась с нею мучительным хроническим недугом.

гом. В такие моменты ей больше всего хотелось вернуться домой – к отцу, Инге, маленькому брату и пожилой Нине Павловне, к морю и солнцу. Когда-то столица очаровала ее настолько, что Лиза решила променять на нее небольшой приморский городок. Она поступила в столичный вуз. Отец, известный в родном городе бизнесмен Алексей Чернов, воспротивился тому, чтобы его дочь скиталась по съемным углам и общежитиям, и купил ей небольшую квартиру в тихом спальном районе. Лиза искренне полюбила Москву – яркую, светлую, величественную, такую контрастную и непредсказуемую. Здесь жизнь была похожа на игру «орел – решка», и Лиза, загадывая на «орла», до поры до времени выигрывала. Тогда дни были наполнены светом, удачей и неожиданными подарками. Но с тех пор как в ее жизни зарядили дожди, столица обернулась бесконечно огромной пустыней, где так легко затерялся среди людей-песчинок один единственно нужный человек. Как странно, что Лиза находила чужие пропавшие вещи, животных и даже людей, но когда пыталась отыскать этого человека, ее интуиция замолкала, словно между нею и ним оборвалась любая связь. Он просто ушел – не только из ее жизни. Его не было в социальных сетях, он не ходил больше по *их* улицам, о нем никто ничего не знал. Он словно и правда исчез – с планеты. Потому что в противном случае Лиза смогла бы найти его даже мертвого.

Оказавшись дома, она наконец-то почувствовала себя лучше. Первым делом приняла горячий душ, смывая с себя усталость этого непростого дня, и переделась в сухую домашнюю одежду. Затем отправилась на кухню и, решив не возиться с ужином, просто включила чайник и сделала себе бутерброд. Ей очень хотелось позвонить домой. Отец, может, и обманется нарочито бодрыми интонациями в голосе дочери, но Инга обязательно поймет, что ее девочкой овладела хандра. Можно будет, конечно, пожаловаться на дождь, но вряд ли Инга удовлетворится такой отговоркой. Конечно, завтра она спросит, почему Лиза не позвонила накануне: они обычно созванивались три раза в неделю, и сегодня был день разговоров. Но Лиза скажет, что была занята подготовкой к семинару. Что, впрочем, не такая уж неправда.

Горячий чай не просто согрел, но и отогнал немного грусть. Вдыхая ароматный пар, пахнущий травами и ягодами, Лиза уже улыбалась. Этот чайный сбор приготовила Инга, смешав высушенные травы, фрукты и ягоды. Пить его надлежало, согласно ее советам, в моменты грусти. Когда закончилась одна чашка, Лиза налила себе вторую, взяла из вазочки шоколадную конфету и включила стоявший на столе ноутбук. День стремительно заканчивается, а ей еще помимо полученного задания нужно готовиться к семинару. Она вновь внимательно рассмотрела все фотографии, а затем вернулась к первой, почувствовав, что именно на ней нужно остановиться.

Чем больше Лиза вглядывалась в искаженные смертью черты, пытаясь разглядеть за ними путь, который привел парня к такому печальному финалу, тем сильнее ей хотелось закрыть снимки и выключить компьютер. Установить контакт всегда было непросто, все равно что брести сквозь снежную бурю, сопротивляясь сильному ветру и борясь за каждый шаг, терять ориентиры и вновь отыскивать их. Но вот Лиза почувствовала холод. Озноб поднимался от поясницы к затылку, словно некто невидимый оглаживал ее по спине ледяной ладонью. Лиза повела плечами, но не встала, чтобы накинуть на плечи теплый кардиган. Если она потеряет с трудом нащупанный контакт, восстановить его будет уже не так просто. Молча, стараясь не замечать сковывающего тело холода и острого желания оглянуться, словно за ее спиной и правда кто-то стоял, Лиза сосредоточенно вглядывалась в лицо погибшего парня, потихоньку начиная различать за посмертной маской его черты – такими, какими они были при жизни. А после того как ей удалось воссоздать его настоящее лицо – с низким лбом, нахмуренными бровями и носом-картошкой, не очень симпатичное, но приятное уже тем, что оно было живым, она увидела первые картины из прошлого. Вначале это были обрывочные образы, туманные и расплывчатые, словно видимые через залитое дождем стекло. Лиза долго не могла ухватиться за их мгновенно расползающиеся «края», но наконец перед глазами появился четкий образ женщины –

некрасивой, с уставшим одутловатым лицом и сердито нахмуренным лбом. И девушка поняла, что видит мать погибшего. А следом проявились другие картинки – о не очень счастливом детстве парня, о матери-дворничихе, сварливой, обиженной жизнью и людьми, поднимающей сына в одиночестве, о штопанных штанах и дырявых ботинках. Лиза увидела даже случай, когда мальчишка в детском саду отмутил обидчика и впервые понял, что побеждать можно силой. Лентой промелькнули его школьные годы – конфликты с учителями, драки с одноклассниками, ор матери за порванную одежду и растущая с годами ненависть к школьной системе, учителям и сверстникам из благополучных семей. В какой-то момент Лизе даже стало жаль этого парня, который со своей бандой держал в страхе добрую часть школы и района. И тут же она почувствовала, что теряет контакт. Неуместны тут личные переживания. Нужно отключить эмоции и только наблюдать. Но когда Лиза, казалось, подступила к главному – увидела, как парень подбивает других подростков на ночную вылазку в пансионат, ее вдруг вышибло из видения. Контакт не просто прервался, она внезапно ощутила сильный удар в грудь. Лиза охнула и отпрянула от монитора, не понимая, что произошло. Такого с ней еще не случалось. Контакт никогда не прерывался так агрессивно. Что-то произошло в тот момент, когда она уже, казалось, была близка к разгадке. словно некто, почувствовав ее невидимое присутствие, поспешил грубо вмешаться. Лиза подождала, стараясь унять учащенно бьющееся сердце, а затем вновь попыталась установить связь. Но как ни вызывала в памяти увиденные образы, как ни старалась нащупать вновь оборванную нить, ничего не выходило. Не получилось и с другими фотографиями. Лиза вздохнула и выключила компьютер. А затем набрала номер мужчины, от которого получила задание. Он будто ожидал ее звонка, выслушал и коротко ответил:

- Приезжай завтра.
- У меня занятия. Важный семинар.
- После семинара. Не в офис, домой, – ответил собеседник и отключил вызов.

Неладное она увидела еще издали, когда на следующий день приехала по нужному адресу. Возле непримечательной высотки, очередного клона в этом спальном районе, стояли полицейские машины и «Скорая помощь». Пульсирующий свет мигалок разрывал туманную вязкость серого дня и нагнетал тревогу. На узком проходе к нужному подъезду собралась толпа, состоящая в основном из пенсионерок и молодых мамочек с детьми. Люди встревоженно перешептывались, и этот гул издали напоминал гудение высоковольтных проводов. Еще не зная, что случилось, но отчего-то уже связав происходящее с тем человеком, к которому она шла, Лиза невольно замедлила шаг, желая отсрочить получение дурных вестей.

– Валька из пятидесят второй заподозрила плохое и вызвала «Скорую»... – донесся до нее высокий голос пожилой женщины в болоньевом пальто и берете. – А «Скорая» уже ничем помочь не могла. Да оно и понятно, если он уже давно был мертв!

– Кто сказал, что давно? – с неожиданной иронией произнес единственный в этой женской компании мужчина средних лет.

– Ну, несколько часов. Ночью его того.

Лиза приблизилась к толпе и робко тронула за рукав ближайшую к ней девушку, ее ровесницу, которая укачивала в коляске младенца.

– Простите, о ком идет речь?

– О жильце из пятидесят четвертой, – охотно пояснила девушка. – О знаменитом экстрасенсе! Говорят, убили его.

– Ну, это еще доказать надо, что убили. Может, и сам. Упал неудачно, – встрял в разговор мужчина и окинул Лизу любопытным взглядом:

– А вы, девушка, к кому? Я тут почти всех жителей знаю, а вас что-то не припомню.

– Я... Я ни к кому, – ответила Лиза и зачем-то добавила:

– Извините.

Мужчина произнес что-то еще, только Лиза, оглушенная новостью и собственными мыслями, уже его не слушала. Развернувшись, она торопливо отправилась прочь. В этом доме ей делать больше было нечего.

2

– Черт знает что! – ругался Дэн, меряя длинными ногами чудом оставшееся свободное пространство комнаты и энергично растирая указательными пальцами виски так, словно у него была мигрень. Дина сдвинула в сторону стопку исписанных разборчивым почерком бумаг и, проведя ладонью по освободившейся поверхности стола, не без опаски присела. Она бы выбрала место поудобнее, но и стулья, и диван, и кресло уже давно скрылись под грудой папок и книг. Если бы Дина впервые зашла в эту комнату, то решила, что искали тут взрывной компромат на всех мировых президентов, потому что такой хаос мог быть создан только в результате активного обыска. Содержимое ящиков было вывалено прямо на стол, а пол плотным ковром устилали разбросанные бумаги. Но Дина уже сколько-то лет была знакома с Дэном и поэтому на беспорядок взирала с буддийской безмятежностью, зная, что породил его владелец. Был у Весенина такой талант – образовывать мини-апокалипсис в своем жилище во время упоительных приступов вдохновения. И, что самое удивительное, затем из хаоса создавать поистине гениальные вещи. Сам же Дэн весь этот ужас, который в периоды работы царил в его квартире, скромно называл творческим беспорядком.

– И что мне с этим теперь делать?! – бурлил Весенин, поддевая носками домашних тапок листы бумаг, которые взлетали несчастными птицами и, словно подстреленные, опадали на пол. Дина лишь красноречиво приподняла ухоженную бровь, но промолчала. По опыту она знала, что вдоволь насетовавшись на творческий кризис, Весенин внезапно может застыть посреди мусора живописной инсталляцией, а затем броситься к столу, сгрести с него одним махом на пол бумаги, книги, чашки с засохшими кофейными разводами, нетерпеливо подергать мышкой и застучать пальцами по клавиатуре с бешеной скоростью. Это будет означать, что Дэна не просто накрыло, как ядерным грибом, вдохновением, но и в голову ему пришла гениальная мысль, которая вырвет сюжет из топкого болота. Вот и сейчас Дина с философским спокойствием слушала бурчание друга, ожидая, когда тот вдруг, как в игре «Море волнуется раз...», замрет на месте на одной ноге с раскинутыми в стороны руками (или в какой еще позе застанет внезапно пришедшее в его вихрастую голову озарение), а затем бросится к компьютеру. Но Весенин все бродил и бродил, забивая под диван голы из скомканных бумаг, и Дина уже начала терять терпение. Она бы закурила, но пробраться на балкон среди завалов книг и папок не представлялось возможным. А курить прямо в заполненной бумагами комнате было пожароопасно.

– Дин, это... это крах! Понимаешь? Крах! – Дэн наконец-то остановился и посмотрел на гостью поверх съехавших на кончик носа очков. А затем бросился-таки к своему столу, но принялся с чуждой ему педантичностью складывать в аккуратную стопку папки и сортировать бумаги. Вот тогда Дина и поняла, что Весенин ничуть не преувеличивает. Это действительно крах.

– погоди, Дэн, – встревоженно окликнула она его, поднимаясь с места. – Что случилось?

– Я же говорю – все распалось. Была хорошая идея и – пфу!

– Так у тебя уже бывало, Дэн. Едва ли не с каждой книгой, – попыталась успокоить она друга. Но тот, укладывая в верхний ящик стола ручки и простые карандаши, лишь болезненно поморщился.

– Дин, тут не книга, а сценарий. Это другое.

– Рассказывай, – потребовала гостья. – С самого начала!

– Где-то была у меня одна папка... – бормотал Дэн, переключаясь с канцелярии на уложенные в стопку папки. – Красная такая, не видела?

– Нет.

– А, вот она. – Весенин нырнул куда-то под стол, зашуршал бумагами, как старая мышь, и громко чертыхнулся, когда ударился затылком о столешницу.

– Вот она! – повторил он, вылезая из-под стола и демонстрируя изрядно помятую картонную папку ядрено-зеленого цвета. Дина не удивилась «дальтонизму» друга. Во время работы он был катастрофично рассеян и небрежен в бытовых и житейских вопросах, но удивительно собран во всем, что касалось деталей романов, которые писал.

Они познакомились пять лет назад, когда один из телевизионных каналов купил права на экранизацию книжной серии популярного автора детективов Дэна Весенина. Для работы над сценариями пригласили Дину, успевшую до этого поработать в нескольких нашумевших проектах. Весенин о работе сценаристов не имел ни малейшего понятия, поэтому очень болезненно переносил каждое изменение в сюжете. Во время работы над сериалом Дэн и Дина постоянно спорили, ругались, жаловались друг на друга то продюсеру, то редактору, потом мирились, фонтанировали идеями, а к концу сотрудничества настолько сплотились, что стали близкими друзьями. Дэн продолжал писать и издавать книги, его популярность только росла. А Дина вышла замуж, родила двух сыновей-погодок и на какое-то время ушла в тень. Не так давно она вернулась к работе, успела поучаствовать в трех популярных проектах и сейчас писала для женского сериала. У Дэна же вышла очередная «юбилейная» книга, и он решил взять небольшую паузу и исполнить свою давнюю мечту – написать сценарий для полнометражного фильма. Принялся он за работу с большим энтузиазмом, получалось у него неплохо, поэтому Дине было странно сейчас слышать о каком-то крахе.

Дэн тем временем подошел к дивану, сдвинул в сторону учебники по криминалистике и плюхнулся на освободившееся место.

– Глянь, здесь у меня синопсис, – протянул он раскрытую папку.

– Я его уже читала, Дэн. Если ты, конечно, не внес в него крупных изменений.

В последний раз, когда они виделись, Весенин не просто дал ей прочитать синопсис, он долго и обстоятельно рассказывал, как видит сцены. В основе сюжета лежало два реальных и уже раскрытых дела. Еще в те времена, когда Дэн работал над книжной серией про вымышленного следователя Матрохина, его консультировал следователь Петр Ивасин. С тех пор Ивасин нередко помогал Дэну не только консультациями, но и вдохновлял случаями из практики.

На первый взгляд в тех двух делах, которыми поделился с Дэном Петр, не было ничего особенного: одну молодую женщину убил уличный грабитель, другую – бывший сожитель-наркоман. Единственное, что роднило несчастных – обе работали гадалками. Дэн уцепился за эту деталь и завернул свой сюжет: сделал убийства серийными и добавил еще жертв.

– Я ничего не менял. Но все, что задумал, расплозлось. – Весенин поводит руками в воздухе. – Я придумал, что всех девушек в итоге убивает не маньяк, а их общий знакомый – знаменитый экстрасенс, участник и победитель телевизионной программы. И даже съездил на съемки реальной программы и нарисовал психологический портрет убийцы.

– А любовную линию добавил? – поинтересовалась Дина, припоминая, что изначально советовала Дэну внести в сюжет толику романтики – чтобы и женщинам понравилось.

– Собирался, – хмуро кивнул друг. – Оставалось придумать героиню. И тут мне звонит Ивасин и говорит, что все усложнилось. Что дела пересмотрят, потому что все там не так просто оказалось. Запретил использовать их для сюжета и сказал, что консультировать на этот раз не сможет.

– Не поняла... Почему? Что случилось?

– Ты не поверишь! – криво усмехнулся Дэн. – Все, что я придумал, вдруг взяло и случилось на самом деле! Вот такая подстава.

Весенин вскочил с места и опять заходил по комнате. Дина следила за ним встревоженным взглядом.

– Оказывается, трупов было не два, а целых четыре. И все эти женщины были не только ясновидящими, но и знали одного человека. Угадай, кого?

– Не может быть!

– Угу! Одного известного экстрасенса.

– И что, он и оказался убийцей? – Дина тоже вскочила на ноги.

– Нет, хуже. Его убили. На днях.

– Ого!

– Понимаешь теперь? Человек он известный, шумиха вокруг его смерти уже возникла. Ты Интернет открой! В общем, я и Ивасина понимаю, и то, что мой сценарий оригинальным уже не будет. Никому ведь не докажешь, что это просто такое фатальное совпадение! Лучше бы я исторический фильм затеял. Про войну, к примеру. Или какую-нибудь героическую личность – это не просто модно, это может вызвать выгодный ажиотаж.

Дэн громко вздохнул, а Дина все-таки вытащила из кармана пачку сигарет.

– Да кури уж прямо тут, – махнул рукой хозяин квартиры. – А самое ужасное знаешь что? Что я через три недели должен показать готовый сценарий твоему знакомому – Петрухину. Он собирался подсунуть его со всеми рекомендациями одному крупному продюсеру. Тот как раз в Москву в конце месяца вернется. Петрухин в меня верит. Идеей он загорелся и даже, как сказал, уже шепнул обо мне тому челу. А теперь что? Как быть с тем, что по задуманной идее я уже не могу написать сценарий? Дай-ка мне тоже сигарету!

– Ты бросил, – напомнила Дина, поспешно убирая пачку.

– Ничто не мешает начать заново.

– Ничто не мешает начать заново, – задумчиво повторила Дина и улыбнулась. – Придется, Дэн. Придется заново!

– Курить?

– Даже не вздумай! Сценарий писать.

– Издеваешься? Сценарий за три недели?

– Ты можешь.

– С нуля?

– С нуля – если решишь писать про войну или историческую личность. А если продолжишь этот...

– Ивасин меня сожрет! Да и консультировать больше не станет. Ни сейчас, ни потом. А мне не хочется портить с ним отношения.

– А тебе и не нужны будут его консультации. И кто тебе сказал, что нужно копировать настоящее дело? Фантазируй, Дэн, изменяй, креативь, но первоначальной идеи все же придержишься. Значит, так, дорогой...

Дина выдвинула ящик стола, в который хозяин убрал всю канцелярию, достала ручку, а затем, не мешкая, выхватила из пачки бумаг исписанный листок и перевернула его чистой стороной.

– Профессии героинь меняешь. На фиг гадалок и ясновидящих. Придумаем что-то другое. Оставляем между ними связь – некоего человека...

Дина нарисовала по кружку в углах листа и один – в центре, а затем решительными линиями соединила все кружки с центральным.

– Профессию ему тоже придумашь новую, но связанную с жертвами. Егоставишь под подозрения. А потом – ж-жас! И убиваешь! А вести дело у тебя будет не профессионал, как изначально, а, допустим, сценарист. Или писатель, как ты. Или журналист. Центральной фигуройставишь его. Амурную линию сочиняешь тоже с ним. Героиня – потенциальная жертва. Это добавит и драматизма, и экшена. В общем, учить тебя мне не нужно.

Дина с довольным видом пододвинула листок к Дэну.

– Поставь себя на место героя и начни собственное расследование, – продолжила она, пока Весенин задумчиво разглядывал примитивную схему. – В переносном смысле, конечно. Расследование героя-непрофессионала – это тоже может быть интересно.

– Времени мало, Дин. Три недели, – с сомнениями произнес Дэн. – Я рассчитывал на помощь Петра, но он умыл руки.

– А я тебе на что? Бери меня в соавторы!

– А как же твой сериал?

– А сериал без меня не загнется, – бодро заверила Дина. – Позвоню Аксаковой, она придумает, кому отдать серии с сорок четвертой по пятидесятую. Да и устала я от этой «мыльной оперы»! Переключиться не помешает. Ну что, согласен?

Дэн издал ликующий вопль и стиснул в медвежьих объятиях хрупкую и невысокую Дину.

* * *

Казалось, все осталось по-прежнему – дорога, университет, опять дорога, дом. Лиза все так же готовилась к занятиям, прилежно их посещала и получала за ответы высшие баллы. Только с того вечера, когда она узнала о гибели наставника, что-то все же изменилось в ее жизни. Словно закрылась дверь, но при этом приоткрылась форточка, в которую потянуло свежим весенним ветерком.

...К экстрасенсу Владлену, чье настоящее имя было Влад Пичугин, Лиза пришла по объявлению. После завершения сезона программы про магов, экстрасенсов и ясновидящих и перед началом нового Интернет пестрел всевозможной рекламой услуг победителя прошлых серий. Лизу, несмотря на ее особенности, никогда не привлекали подобные телешоу. Но в тот вечер, когда ей на глаза попало интервью с известным экстрасенсом, она в очередной раз безуспешно пыталась нащупать невидимую связь с человеком, по которому так тосковала. «Я разыскиваю пропавших людей и активно сотрудничаю с правоохранительными органами. Да-да, и сотрудники доблестной полиции обращаются ко мне за помощью!» Лиза не стала дочитывать интервью до конца, но отыскала записи последнего сезона программы, внимательно просмотрела все серии, а затем набрала указанный в рекламе номер. Услуги победителя программы стоили недешево. В них наверняка была включена и аренда в центре Москвы пафосного офиса, столь необходимого для поддержания звездного статуса экстрасенса. Будь Лиза из семьи со средним достатком, ее бы остановила высокая стоимость консультации. Но отец-бизнесмен регулярно пополнял ее счет, хоть тратила обычно Лиза мало. Поэтому она, не колеблясь, записалась на первый прием.

Экстрасенсу Владлену было хорошо за пятьдесят. Благородная седина серебрила не только густые для его возраста волосы, но и окладистую, как у попа, бороду. Он и был на первый (и ошибочный) взгляд похож на доброго деревенского батюшку. Рыхлая полнота и внушительный живот, на котором туго, как наволочка на подушке, натянулась расписанная диковинными узорами рубаха, выдавали в знаменитости слабость к еде и нелюбовь к активному образу жизни. Светлые и мутные, словно молочный кисель, глаза смотрели цепко и как будто зло. К визиту девушки-студентки, пришедшей на прием в обычных черных джинсах, свитерочке и пешком, «звезда» отнесся без энтузиазма. Видимо, несмотря на щедро рекламируемый провидческий дар, неверно «просканировал» финансовую ситуацию клиентки. Казалось, слушал он Лизу вполуха, но вопросы следом он задал по существу: когда познакомились с искомым человеком, где, при каких обстоятельствах, когда в последний раз виделись, даты рождения его и ее. На все вопросы Лиза ответила четко, как прилежная ученица. Но после того как она замолчала, наступила долгая и тяжелая пауза. Экстрасенс сверлил клиентку светлыми глазами, Лиза пыталась стойко выдержать взгляд. Наконец, Владлен прервал зрительный контакт, не без труда поднялся из глубокого кресла и подошел к девушке.

– Значит, ты серьезно намерена отыскать этого мужчину? – спросил он, хоть Лиза еще в самом начале, не путаясь в словах и не топя суть в окольных фразах, заявила о цели визита. Да, она хочет найти любимого человека и точка. Да, он внезапно исчез из ее жизни, даже не прислав прощального СМС. Да, она больше ничего о нем не слышала.

– Если мужчина так внезапно исчезает из жизни женщины, значит, он ее не любит. Он давно принял решение расстаться, но у него не хватило духу на женские слезы, вопросы и уговоры.

– Я все это знаю, – ответила Лиза, но голос предательски дрогнул. Экстрасенс вновь сделал долгую паузу, в которую не сводил с девушки взгляда, а затем произнес:

– Подумай хорошо, так ли уж тебе надо о нем знать?

Лиза вспыхнула и едва удержалась от колкого ответа. Зачем так на нее давить? Раз она пришла сюда и заплатила немалую сумму за консультацию, значит, уже приняла решение. Это ее последняя надежда. Она так и сказала Владлену и зачем-то добавила, что может «чувствовать» людей, если пожелает настроиться на их волну. Но только не этого мужчину.

– Любопытно, – ответил экстрасенс и обошел Лизу кругом, изучая ее, словно выставленную в музее статую. – Подумай еще раз хорошо и завтра ответишь.

С этими словами Владлен махнул рукой в сторону двери, давая понять об окончании визита. Ушла Лиза разочарованной, решив, что экстрасенс просто «развел» ее. Ей было жаль не столько денег, сколько времени и неоправдавшихся надежд. Однако на следующее утро Владлен сам позвонил ей.

– Приезжай сегодня в пять, – сказал он не терпящим возражения тоном и отключился. Лизе пришлось уйти с последней пары, чтобы успеть к назначенному времени. Она приехала чуть раньше, но хозяин уже поджидал ее в приемной. Лизу удивило то, что экстрасенс на этот раз не только встретил ее улыбкой и попросил принести секретаря им по чашке чая, но и пригласил пройти в свой закрытый для клиентов личный кабинет.

– Вот, – сказал он, раскладывая на столе четыре фотографии. – Если сумеешь ответить на несколько вопросов, я буду работать с тобой бесплатно. За некоторую ответную услугу. – Владлен подвинул госте снимки и, откинувшись на спинку кресла, сложил на объемном животе пухлые руки. На одной фотографии застыла в танцующей позе молодая женщина, на другой пожилой мужчина на лавочке в сквере задумчиво курил сигарету, на третьей смеющаяся девочка лет семи каталась на качелях, на четвертой кто-то запечатлел раскинувшегося вальяжно на диване белого пуделя. Лиза волновалась и потому не сразу сумела настроиться. Образы расплывались, путались и блекли. Владлен выждал долгую паузу, а затем спросил, все ли сфотографированные живы. Лиза ответила утвердительно и не ошиблась. Затем она по просьбе экстрасенса рассказала о том, что смогла увидеть. Мужчина перенес недавно инфаркт. Собака потерялась. О молодой женщине ответила, что видит ее в темном месте запертой. Но вот о ребенке ничего не смогла сказать.

– Это дочь одной моей знакомой. С ней все в порядке, – пояснил Владлен, собирая фотографии в большой конверт. – Собаку уже нашли. Женщину похитили неделю назад и требуют за нее выкуп. Мужчина действительно перенес инфаркт и сейчас находится в больнице. Способности у тебя есть. Но нужно над ними работать. Тебя кто-нибудь обучал?

Лиза не хотела рассказывать, что ее мачеха когда-то была довольно известной ведуньей, но с тех пор, как переехала из столицы в приморский город, вышла замуж за Лизино отца и родила сына, не практикует. Но Владлен смотрел на нее так требовательно, как декан их факультета, поэтому она нехотя сказала правду.

– Очень хорошо! Я так и думал. Я скоро позвоню и дам первое задание. Оставь мне свой имейл. А по твоему делу вот что скажу: я увидел, что того мужчину ты должна отыскать сама. Это твое испытание.

– Я смогу его найти?

– Тебе придется хорошо поработать для этого. Пока ты не готова, – ответил экстрасенс, глядя девушке в глаза. – Я буду давать задания и обучать тебя. Придет время, и ты сможешь узнать о том человеке все, что пожелаешь.

Лиза нервно сглотнула. Не такого поворота событий она ожидала. Владлен смотрел на нее тяжелым взглядом, который вызывал у нее неприятный озноб.

– Ну, соглашаешься или нет? Будешь работать со мной – получишь ответы на свои вопросы. Нет – значит, нет.

– Да, – ответила Лиза после долгой паузы. – Я согласна.

– Вот и хорошо! – повеселел экстрасенс, она же в тот момент почувствовала, будто за спиной захлопнулась дверь ловушки.

– Только своей мачехе о нашем союзе – ни слова. И боже упаси тебя где-нибудь упомянуть мое имя! Впрочем, если сболтнешь, хуже будет только тебе. У меня, если что, есть связи... – неожиданно пригрозил экстрасенс.

«У меня тоже», – подумала Лиза. Но вслух ничего не сказала. В тот вечер она провела в кабинете экстрасенса добрых два часа, и это был единственный раз, когда их встреча длилась так долго. Впоследствии они общались дистанционно и за этот год лично встретились лишь дважды.

Со смертью Владлена Лиза испытала некое облегчение, потому что изматывающим заданиям от экстрасенса, казалось, не будет конца. Но одновременно ощущала и растерянность, ведь в личных поисках она не продвинулась ни на шаг. Все оставалось по-прежнему: Лиза не чувствовала с потерянным мужчиной связи и установить контакт с ним не получалось. А Владлен, для которого она выполнила уйму заданий, так и не подсказал, в каком направлении ей нужно двигаться. «Сама, все поймешь сама! Когда придет время», – так отговаривался он, когда Лиза задавала сакральный вопрос. И подкидывал все новые и новые головоломки. Иногда, когда она долго лежала в кровати в попытках уснуть, перед глазами проносились вереницей незнакомые и одновременно знакомые по фотографиям лица. Не всегда ей удавалось сразу увидеть судьбу пропавших, и тогда лица тех, о ком она не сумела дать ответа, начинали ей сниться. Эти сны были не менее изматывающими, как и попытки установить контакты. После таких ночей в одинаково вязкие и серые, несмотря на разнообразную погоду, утра Лиза, как никогда ярко, вспоминала слова Инги о том, что ее способности – это не просто дар, это еще тяжелая ноша...

Спускаясь в метро вслед за обнимающейся парочкой, окутанной, словно эфирным облаком, влюбленностью, Лиза в какой раз подумала, что надо рассказать обо всем мачехе. В прошлом не только сильная ворожея, но и дипломированный психолог, Инга, возможно, сумела бы ей помочь – закрыть гелыштат и наконец-то вернуть утраченные радость и жажду жизни. Но она настолько уже запуталась, что не знала, с чего и начать. Да и обсуждать свою первую и несчастную любовь с кем-то, пусть даже с Ингой, казалось неловким.

Обычно теплый и сухой воздух метро, пахнувший креозотом, возвращал Лизу в те моменты яркого и необъятного счастья, когда они с папой ездили к Инге в Москву. Когда темп дней с будничного *andante* срывался в головокружительное *prestissimo*. Когда от череды мелькающих событий перехватывало дыхание, как на аттракционах, и восторженные возгласы Лизы вызывали у Инги и папы улыбки. Когда внутри, казалось, поселялся неутомимый чертенок и щекотал ее, заставляя смеяться и подпрыгивать на месте, а предвкушение каждого дня было сродни ожиданию волшебной новогодней ночи. Потом были еще поездки в столицу, но те первые остались в памяти наиболее яркими. Каждый раз, входя в метро, Лиза моментально согревалась, если успевала продрогнуть по дороге из университета, мимолетно улыбалась своим воспоминаниям и сливалась с людским потоком, быстро стекающим по устьям-эскалаторам к мраморным берегам-перронам. Но сегодня отчего-то не пришло привычное

успокоение. Напротив, с каждым шагом ее окутывала тревога, а плечи, будто инеем, покрывались ознобом. Лиза сунула замерзшие руки в карманы куртки и спрятала нос в шарф. Может, она подхватила простуду? Но в горле не першило, нос не щипало, да и температура казалась нормальной. Однако промерзла она так, будто в помещении метро гуляли ледяные ветра. Спустившись на платформу, Лиза привычно прошла к первому вагону и, повинувшись наитию и неожиданно возникшему страху, оглянулась. Пассажиры выходили из-за широких столбов на платформу, сливались, словно ртутные капли, в небольшие группки-«лужицы», быстро заполняя пустые пространства. Каждый был занят своим делом: погружен в телефон или книгу, разговаривал со спутниками. Никто, казалось, не обращал внимания на Лизу – двадцатилетнюю девушку с заплетенными во множество косичек черными волосами. Но ощущение, что кто-то за нею наблюдает, так и не ушло. Лиза отошла к стене и вновь украдкой оглядела толпу. Даже если кто-то на нее смотрит, заметить это в таком скоплении людей невозможно. Лиза вместе с другими пассажирами вошла в подъехавший поезд и протиснулась в середину вагона. Все те пять остановок, что оставались до нужной станции, ее не покидало чувство, что наблюдавший за нею невидимка находится в том же вагоне. Однажды, когда ей было двенадцать лет, она по дороге из школы домой почувствовала внезапный озноб и беспричинный страх. Тогда Лиза так же, как и сейчас, в первый момент подумала, что заболевает. А потом заметила огромного бродячего пса, который преградил ей путь. Она в испуге остановилась и затаила дыхание. Больше всего на свете ей хотелось развернуться и броситься бежать, но инстинкт подсказывал, что делать этого нельзя: пес кинется следом. Она чуть шевельнулась, и зверь, не сводя с нее взгляда, злобно оскалится и утробно зарычал. Переулок был пуст: ни детей, ни взрослых, ни шума приближающихся машин. Окна ближайших домов закрывали деревянные ставни. Закричи она, и никто не услышит. И все же Лиза закричала, но не призывая на помощь, а псу – громко и повелительно, изо всех сил пытаясь не показать страха. «Пошел вон! Иди! Иди, сказала!» Она не ожидала, что тот послушается, напротив, на выдохе, когда с криком ушли все силы, а паника накатила удушающей волной, зажмурилась в ожидании нападения. Но ничего такого не случилось. Лиза услышала цокот когтей и, приоткрыв один глаз, обнаружила, что собака удаляется. Бочком, крадучись, затаив дыхание и прижимая к груди, словно щит, школьный рюкзак, она покинула переулок, а потом бросилась бежать – домой, к отцу и Инге.

В вагоне же бежать было некуда. Чувство страха не покидало ее и продолжало знобить, даже когда Лиза поднялась из подземелья на улицу. Идти сразу домой показалось неосмотрительным, поэтому она зашла в магазин бытовой химии, повертелась у прилавка, делая вид, что выбирает стиральный порошок, но при этом бросая незаметные взгляды в окно. Купив для виду коробку с порошком, Лиза вышла на улицу, задержалась у палатки с выпечкой, а заметив остановившееся у края тротуара такси, бросилась к машине. Если кто и следил за нею, то не успеет поймать другое такси. И все же, поддавшись панике, она попросила таксиста попетлять по переулкам. И из машины вышла только тогда, когда убедилась, что во дворе не паркуется следом другой автомобиль. В подъезд она зашла вместе со знакомым соседом, который возвращался домой с пакетом из супермаркета. И только оказавшись в своей квартире и надежно заперев дверь, сумела перевести дух. Но когда успокоилась и решила, что тревога оказалась беспочвенной, в дверь позвонили.

3

– В этом доме она жила, – мрачно кивнул Дэн на прятавшуюся за мокрыми кронами кленов и лип пятиэтажку. – Первая жертва.

– Та, которую убил сожитель-наркоман? – уточнила Дина и аккуратно, чтобы не промочить ноги, обошла глубокую лужу.

– Нет. Уличный грабитель. Это случилось не здесь, в другом месте.

– Туда меня ты тоже повезешь?

– Не сегодня, – успокоил Дэн. Дина сунула озябшие руки в карманы пальто и огляделась. Двор казался пустынным. Две иномарки с забрызганными грязью номерами и допотопные «Жигули» рискованно притулились на краю узкой асфальтированной дороги. Некто находчивый припарковал свой громоздкий джип прямо напротив подъезда, к которому направился Дэн. Судя по белесым, прочерченным чем-то острыми бороздам на черном боку внедорожника, жители хрущевки неоднократно пытались «воспитать» владельца джипа. Дина тихо хмыкнула и украдкой колупнула ногтем одну из царапин. Дэн тем временем остановился на крыльце и сделал на камеру несколько снимков. Дине же это показалось лишним: не будет в сценарии подробных описаний мест действия. Их не сценарист выбирает. Да и локаций, как эта тупиковая улочка на второй линии, в Москве как семечек. Но Дэна разве переубедишь? Серый, будто вылинявший под дождями, двор, разбитый асфальт с непросыхающими лужами, ржавый сетчатый забор через дорогу, ограждающий небольшой пустырь с воткнутой посередине трансформаторной будкой – все это казалось одновременно и унылым, и слишком типичным. Весной, когда зацветали липы, двор, возможно, прихорашивался и становился симпатичным, как некрасивая невеста в день своего бракосочетания, но поздней осенью казался скучным до зубного скрежета.

– Дэн, мы можем обойтись и без экскурсии в подъезд. Или ты с соседями надумал общаться?

– А почему бы и нет?

– Не слишком ли ты вошел в роль главного героя? Мне казалось, ты пишешь сценарий, а не расследуешь настоящее убийство, – с иронией заметила Дина. Весенин громко вздохнул, но неожиданно послушался и сшагнул с крыльца.

– Жаль, Ивасина не расспросишь о том, как продвигается настоящее расследование. Узнать бы, кто убийца всех этих экстрасенсов и гадалок!

– Дэн, напоминаю, что ты пишешь сценарий – вымышленный, в котором ты царь и бог. То есть убийцу придумаешь сам и мотив преступления – тоже. Твое кино должно отличаться от реальных случаев, забыл?

– Ивасин дал добро. Дело у него забрали и передали в высшие инстанции. Видимо, этот экстрасенс, Владлен, и правда был знакомым кого-то крутого. Так что мне дали зеленый свет!

– Не зеленый, желтый. Ивасин предупредил, что у тебя могут возникнуть проблемы, если персонажи и история получатся слишком узнаваемыми, – напомнила Дина. – Не заигрывайся в детектива, пожалуйста. Ты не детектив. И у тебя сроки на носу. Не забывай.

– Какая ты зануда!

Дина не стала поправлять, что зануда как раз Дэн. Это он обожает скрупулезно собирать материал, ездить в места действий, скупать путеводители, чертить маршруты, по которым передвигаются персонажи. У него все должно быть точно и списано с «натуры». Дине же для работы достаточно бывало Интернета и собственного воображения.

– Я просто замерзла, – зябко повела плечами она. – Заболею, заражу детей. И тогда точно не смогу тебе помочь.

– Ладно, поехали по следующему адресу.

Дина мысленно взывала, но напоминать в очередной раз другу, что работа сценариста отличается от работы писателя, не стала. Вместо этого догнала решительно направившегося к месту парковки машины Весенина и ухватила его за локоть.

– Дэн, остальные места мало чем будут отличаться от этого, уверяю тебя. Ну, может, вместо пятиэтажки окажутся высотки. Ты что, спальных районов не видел? Колесить с одного конца Москвы на другой... Я тебе в Интернете сколько угодно подходящих снимков нарою. Поехали прямо в Подмоскowie, раз мне этой поездки с тобой туда не избежать. Посмотрим, а потом – обедать и обсуждать.

– Дина, мне важно увидеть...

– Дэн, напоминаю тебе, что у тебя всего три недели. И это важнее! – повысила голос Дина. – Я не собираюсь двадцать дней тратить на разъезды и писать все в последнюю ночь! Не едем сейчас в Подмоскowie, значит, вообще туда не едем. Садимся и перерабатываем синопсис.

Дэн скрипнул зубами, но спорить не стал. Впрочем, его безропотность могла обмануть кого угодно, но только не Дину, знавшую его уже столько лет. Поднятые плечи, спрятанные в карманы руки и размашистый шаг, которым Весенин направился к припаркованному у соседнего дома темно-синему «Ниссану», говорили о бушевавшем в его душе протесте. Всю дорогу он будет молчать, хмуриться и срываться с места на зеленый свет так резко, что Дину будет вжимать в сиденье. Все это она проходила не раз и знала, что лучше не отвлекать друга разговорами. Зато когда они придут на место, Весенин припаркует машину, выйдет и заговорит с Диной как ни в чем не бывало.

Так и вышло. До нужного городка, где была убита другая из четырех жертв, они доехали за час с небольшим. Дэн оставил машину возле пустой рыночной площади, по которой ветер гонял обрывки оберточной бумаги, галантно открыл Дине дверь и даже подал руку.

– Я вот о чем всю дорогу думала, – произнесла Дина, зябко ежась от неприветливо встретившего их ледяного ветра. – Если эти четыре женщины на самом деле были ясновидящими, то почему не сумели увидеть и как-то предотвратить свой финал?

– Мы все смертны, Дина.

– Я не о том.

– Ну, может, и увидели, но ничего не смогли сделать. Дин, я мало что знаю о гадалках. Никогда не общался ни с ясновидящими, ни с колдунами.

– Ты же ездил на съемки программ...

– И что? Меня интересовал технический процесс.

– И как же ты собираешься писать о ясновидящих и гадалках, если не представляешь себе их работу?

Дэн остановился так резко, что Дина, которая шла с ним в это время под руку, споткнулась и едва не упала.

– Извини, – повинился мужчина, успев вовремя подхватить Дину.

– Проехали. Вернемся к гадалкам. Если ты решил в итоге не менять им профессии, значит, должен иметь какое-то представление об их сфере деятельности.

После обсуждений накануне они решили, что оставят гадалок, но изменят убийцу: будет им не экстрасенс, как изначально задумывалось Дэном, а кто-то другой.

– А ты когда-нибудь ходила к ясновидящим?

– Не-а.

– Что, ни разу? – не поверил Дэн. – Вы же, женщины, любите...

– Представь себе, ни разу. Ну, если не считать того, что на курсе одна девочка якобы умела гадать на картах. Но это все было несерьезно. Даже не сбылось ничего. А больше я ни к кому не обращалась.

– Жаль. Сейчас бы пригодился твой опыт. Хотя, если честно, я не собирался акцентироваться на деятельности жертв. Гадалки у меня в сюжете уже трупы. Меня больше интересует, как они убиты, где, чем.

– То, что они гадалки, надо как-то обозначить, раз оставляешь эту профессию!

– Ну, можно карту Таро на трупе оставить.

– Карту Таро тоже абы какую не подкинешь. Надо со значением.

– Это лишние детали, Дин, – поморщился Дэн.

– Ничего не лишние! Это зацепки.

Дина забежала вперед, развернулась к Весенину лицом и возбужденно зажестичулировала.

– Представь, на теле каждой жертвы маньяк оставляет карту. А вместе они складываются в какую-то комбинацию! Если прочитаешь правильно, то узнаешь какой-нибудь секрет. Или послание. Или предсказание. Может, указание на следующую жертву. Или, наоборот, намек на какое-то событие в прошлом маньяка, которое повлекло за собой все эти убийства. Дэн! Нам нужна гадалка! Которая бы нам помогла составить эту комбинацию.

– И где мы ее найдем? По объявлению? И кто к ней пойдет? Я? Даже не думай!

– Ну, давай я, если ты не хочешь.

– Дин, – засомневался Дэн. – Мы же сценарий детективного фильма пишем, а не мистического.

Дина тихонько отпустила локоть Дэна, порылась в сумочке и вытащила пачку сигарет. Ей долго не удавалось прикурить на ветру, который гнал по небу грязно-серые ватные тучи. Она нетерпеливо хмурилась и безуспешно чиркала колесиком до тех пор, пока Дэн не выхватил у нее зажигалку и не высек огонь с первого раза.

– Вот почему у тебя так, а у меня – никак?

– Бросай курить! Знак тебе.

– Слабоватый знак, – засомневалась Дина.

– Не будешь внимать слабым, получишь крупный. В виде серьезной болячки, не приведи Господь.

– Дэн, эта тема с ясновидящими на тебя как-то не так влияет. О знаках вон заговорил... – парировала Дина. – Но тему все же неплохо бы изучить. Хотя бы для создания характера главной героини. Кажется, договорились, что она тоже будет гадалкой?

– Я думал сделать ее полицейской, – качнул головой Дэн. – А героя – писателем, так уж и быть.

– Уже есть такой зарубежный сериал, – возразила Дина. – С героем-писателем и героиней-полицейской. Довольно популярный.

– Ну вот!

– Сделай ее, как говорю, ясновидящей или гадалкой! Это добавит драматизма, загадочности и экшена. Можно придумать, что героиня предвидит свою смерть, но изменить ничего не может.

– Или смерть видит не свою, а героя, а в него уже успевает влюбиться, – подхватил Дэн.

– Можно и так.

Нужный им дом прятался за «коробкой» – спортивной площадкой, заключенной по периметру в высокий сетчатый забор. Летом тут играли в дворовый футбол, зимой заливали каток. Сейчас же площадку затопило дождевое озеро, в темных водах которого тускло отражались окна серой пятиэтажки. Дина скользнула взглядом по маленьким выпуклым балконам здания, на многих из которых полоскалось на ветру выстиранное белье, и бросилась догонять уже нырнувшего в подъезд Дэна. Альфия Зуфилова, одна из четырех жертв, проживала до своей гибели на третьем этаже. Возможно, кто-то из родственников уже успел занять квартиру, но на почтовом ящике до сих пор значилось имя бывшей владелицы.

– Поговорить бы с кем-нибудь, узнать бы о ней, – тихо шепнул Дэн.

– Зачем? Ты волен сам придумать характер героини, незачем его списывать с реального человека.

– Ты сама себе противоречишь: то узнай подробнее о жизни гадалок, то...

– Я имела в виду общение с живой ясновидящей. А ходить расспрашивать жителей об их погибшей соседке из любопытства – это как-то бестактно. Мы же не из полиции.

Они еще немного поспорили и, может, Дина настояла бы на своем, если бы в этот момент не хлопнула дверь на площадке этажом выше и к почтовым ящикам не спустилась пожилая дама. Окинув сердитым и цепким взглядом чужаков, жительница не замедлила грозно спросить, кто они такие и зачем тут вертятся. Дина и рта не успела раскрыть, как Дэн уже очаровательно улыбнулся пожилой женщине и завел с ней разговор. Дине только в очередной раз оставалось дивиться умению Весенина очаровывать дам и заговаривать им зубы.

Они по инициативе Дэна довели женщину, которая представилась Марьей Васильевной, до ближайшего продуктового магазина, и за этот короткий путь жительница успела поведать им не только часть своей жизни, но и всласть посплетничать о погибшей Альфии. Так они узнали, что Зуфилова жила одна, без детей и мужа. За те пять лет, что проживала в этом доме, успела не только сыскать популярность у жительниц как гадалка, но и стать местной знаменитостью: однажды к ней приезжали с городского телевидения брать интервью, а потом пригласили на какую-то программу аж в столицу. Марья Васильевна, конечно, в ясновидение Альфии не верила и такой род деятельности не одобряла, но мирилась, потому что соседка не мусорила и не шумела, напротив, частенько сама мыла подъездную лестницу и площадку. К тому же, несмотря на звездный статус, была приветлива и пару раз выручила Марью Васильевну солью. А знаменитой Альфия стала после вызвавшего у многих жителей недовольство комментария о строительстве туристического комплекса на месте старого пансионата. Ясновидящая предсказала, что стройка не будет завершена в указанные сроки и, возможно, вообще не будет окончена, потому что бизнесмен, ее затеявший, разорится. И, значит, рабочие места, на которые так рассчитывало население, открыты не будут. Много тогда злых слов было сказано в адрес Альфии. Кто-то даже порезал ей обивку на двери. Марью Васильевну еще удивила и восхитила выдержка и спокойствие соседки. Альфия лишь вздохнула и вызвала мастера. Но комментарии по поводу стройки больше не давала. Впрочем, вскоре ее предсказание сбылось: бизнесмен разорился и стройку заморозили.

– Когда это случилось? – опередила Дэна вопросом Дина.

– Ну да уже год точно прошел! – ответила Марья Васильевна. – А может, и два. Альфия когда пропала? Больше года назад, точно! Кстати, это я тревогу забила! Долго не видела соседки, думала поначалу, что она на родину свою уехала, к родственникам погостить. Но когда узнала от ее клиентки, что она не отменила записи, забеспокоилась. Альфия ведь ответственной была. Если бы надумала уехать, то обязательно перенесла бы все визиты. Ну а потом ее и нашли. Как раз неподалеку от стройки. Проломили голову сзади. Я вот что вам скажу... Из-за того предсказания ее и убили!

– А какой резон? – засомневался Дэн. – Бизнесмен не из-за Альфии разорился.

– А отомстили! – блеснула воинственно глазами Марья Васильевна. – Ну, или хахаль мог ее убить. А что? У Альфии незадолго до смерти ухажер завелся. Я его ни разу не видела. Но знала, что у нее кто-то появился.

– Она сама вам об этом сказала? Может, имя его назвала? – спросила Дина.

– Да ну, станет она об этом рассказывать! Я догадалась! У меня на такие дела нюх. Когда у женщины, уже немолодой к тому же, появляется мужчина, это становится заметно.

– А его почему подозреваете?

– Так я слышала ссору! – нашлась старушка. – Я об этом и полиции рассказала, что вы думаете? Помню, вышла я поздно вечером мусор вынести, а из-за двери Альфии два голоса

слышны: ее и мужской. И вроде как они на повышенных тонах разговаривали. А вскоре после этого она и пропала. Согласитесь, подозрительно?

Дэн молча кивнул, а Дина никак не выказала реакции. К магазину они дошли, но старушка не торопилась, к вящему недовольству Дины, с ними попрощаться. Напротив, выждала паузу и, хитро блеснув блеклым глазом, с улыбкой вынула главный козырь:

– А недавно знаете что случилось? На той самой стройке? Подростков нашли! Мертвыми! И никто не знает, что с ними случилось!

– Даже вы? – недоверчиво ахнул Дэн и попал в яблочко. Марья Васильевна подбоченилась, горделиво поправила на выкрашенных хной волосах вязаный берет, а затем принялась обстоятельно выкладывать поддакивающему, угукающему и ахающему Дэну все свои версии. Дина отошла в сторонку, достала пачку сигарет и закурила, сделав вид, что не заметила неодобрительного взгляда старушки, который та бросила на зажженную сигарету. «Да, я курю. И мне наплевать на ваше мнение!» – раздраженно подумала Дина и демонстративно отвернулась. Про себя она решила, что, как докурит, возьмет Дэна под локоток и уведет его наконец-то от магазинного крыльца, даже если у Марьи Васильевны припасена целая колода козырей. Но Дэн успел попрощаться со словоохотливой старушкой еще раньше, схватил подругу за руку и торопливо потащил за собой.

– Куда это ты?

– На стройку!

Дина, едва поспевая за ним, закатила глаза. Хоть ее совершенно не удивило желание Весенина посмотреть на недостроенный туристический комплекс.

– Дэн, для сценария это уже лишнее!

– Так я и книгу напишу, ты что думала?

Она с тихим вздохом сдалась и мысленно поклялась, что никогда и ни за что больше не предложит себя Дэну в соавторы. Как писатель он гениален, но работать над сценариями с его «писательским» подходом невозможно!

До замороженной стройки они доехали за четверть часа, и за это время погода изменилась к худшему. Небо полностью обложили дождевые тучи, которые повисли так низко, что, казалось, цеплялись марлевыми краями за голые ветки. Ветер сильными порывами толкал в грудь, и Дина, собиравшаяся было сказать о лежавшем в багажнике зонте, промолчала: толку от зонта с выгнутыми спицами будет ноль. Оставалось уповать на то, что они успеют до дождя. Дина подняла воротник и спрятала в шарф нос. К счастью, Дэн припарковал машину прямо напротив закрытых ворот. Она еще успела понадеяться на то, что на территорию бывшего пансионата они попасть не смогут. Но следом увидела валяющийся неподалеку от забора замок со сломанной дужкой и тихо вздохнула. Весенин тем временем уже налег плечом на ворота, те с натужным скрипом поддались и приоткрылись ровно настолько, чтобы в образовавшуюся прореху смог протиснуться нормальной комплекции мужчина. Дине ничего не оставалось, как последовать за ним. На возражения не оставалось ни сил, ни желания. Проще позволить увлечшемуся Весенину сделать так необходимые ему снимки и наконец-то поехать в теплое и чистое кафе, чем вступать на пронизывающем ветру в бесполезные споры.

– Никогда, слышишь, никогда я больше не навязусь тебе в соавторы! – прошипела она Весенину в спину и тем самым немного отвела душу. Дэн ее то ли не услышал, то ли сделал вид, что не расслышал, расчехлил камеру и наставил объектив на обшарпанное, все в темных пятнах то ли сырости, то ли облупившейся краски, здание.

– Дэн, давай я тебя на крыльце подожду, – предложила Дина, когда друг, вдоволь наснимав фасад и двор, попытался открыть входную дверь.

– Дин, не дури. Дождь начинается! И ветер сильный.

– Это ты не дури, – резко ответила она. – Давай уже вернемся! Погода и правда не шепчет.

– Я хочу заглянуть внутрь. Поснимать там.

– Поснимать что?! Кучи строительного мусора и крыс?

– Дин, пять минут. Только туда и обратно. – Весенин открыл дверь и сунулся в темный проем.

– Вот же неугомонный!

– Мне это нужно для книги. После разговора с Марьей Васильевной возникли кое-какие идеи. Закончу сценарий и сяду за детектив.

– Боюсь, что такими темпами ты сценарий и не начнешь! – проворчала Дина и все же отправилась за Дэном следом.

Внутри царил серый сумрак, отчего все предметы виделись черно-белыми и размытыми. Запах сырости, пыли и кошачьей мочи моментально забился в нос, к горлу подкатил ком липкой тошноты. Дина прикрыла рот и нос шарфом и подышала в пахнущую духами ткань. Что там рассказывала Дэну Марья Васильевна об этом пансионате, она так и не услышала – не прислушивалась, но отчего-то ей стало не по себе, словно в этой зловещей тишине обитали призраки. Даже не призраки, а эфемерные отпечатки силуэтов, едва уловимые не столько взглядом, сколько обонянием, как полурасцветший шлейф духов. А Дэна, казалось, ничто не беспокоило, не пугало, он шел уверенно вперед, как кот, который видит ночью, и сумрак то и дело разрывала фотовспышка. Эти отблески неожиданно успокоили Дину: все идет как обычно. Она даже поняла своего увлекающегося друга: это полуразрушенное, обшарпанное и отсыревшее здание теперь увиделось ей прекрасным в своей безобразии. Отличным источником вдохновения. Казалось, те самые призраки, которые шуршали рядом, словно подолы бальных платьев, нашептывали истории. Им ничего более и не нужно было, только то, чтобы их выслушали, чтобы о них вспомнили, чтобы запечатлели их рассказы. Кто лучше писателя может это сделать?

Задумавшись, Дина упустила Дэна из виду. Очнувшись она от дум тогда, когда темнота вдруг сгустилась. За окном будто наступила ночь, хоть время было обеденное, по жестяным подоконникам застучали капли, откуда-то повеяло холодом, словно внезапно распахнулось окно. Дина поежилась, торопливо вытащила из сумочки мобильник и включила фонарик.

– Дэн? – отчего-то шепотом позвала она. Голос прозвучал приглушенно, как через подушку. Она и сама едва себя слышала. Прокашлявшись, Дина позвала уже громче, но никто ей не ответил.

– Вот черт. Весенин! – заорала она уже что было мочи. – Ты куда провалился?

Рядом что-то сухо хрустнуло, словно некто наступил на сучок. Дина нервно дернулась и направила на источник шума луч света. Никого. Она постаралась успокоить себя, что это просто шмыгнула крыса: грызунов Дина не боялась, даже когда-то держала дома двух белых мышей. А темнота тем временем окутала ее плотным коконом, зашептала в ухо вкрадчиво и ласково: «Останься, останься...» Кто-то невидимый нежно провел невесомой ладонью по ее волосам, взъерошил их шаловливо, будто ребенку. Сердце подскочило вверх и заколотилось испуганной птицей у самого горла. «Не бойся, больно не будет. И страшно тоже», – продолжало ласкать слух чужое нашептывание – прохладное и неожиданно приятное. Дина поверила. И успокоилась. И даже улыбнулась тому, кто продолжал гладить ее по волосам в густой темноте. Ей вдруг стало легко-легко, словно тело внезапно уменьшилось и потеряло вес. Она даже слегка оторвалась от земли и, наверное, воспарила бы, если бы кто-то сердито не дернул ее за руку и не вернул на землю. В первый момент, почувствовав ногами пол, Дина разозлилась на того, кто так внезапно оборвал ее полет.

– Ты чего отстала?! – проорал ей в самое ухо Весенин. – Я тебя зову-зову, а ты не откликаешься?

– Дэн, – едва справившись с наваждением, пробормотала Дина. – Дэн, куда ты пропал?

– Никуда! Тут был! Собрался на второй этаж подняться, но тебя рядом не обнаружил!

– Я тебя звала, а ты молчал.

– Я не слышал. Как и ты меня.

– Дэн... Тут кто-то еще есть.

– Никого тут нет! – раздраженно бросил мужчина. – Сама смотри.

Дина только сейчас заметила, что в помещении снова стало светлее, настолько, что можно было разглядеть трещинки на стенах. За окном стучал дождь, и это несколько примирило ее со странным происшествием. По крайней мере шум дождя ей не послышался.

– И все равно тут кто-то есть! – упрямо гнула она свою линию. – Кто-то трогал мои волосы. Представляешь?

– Не представляю! Если кто-то тут и есть, то это мыши или крысы. Может, на тебя упала мышь?

– Издеваешься! – передернула Дина плечами и решила больше не спорить. Вместо этого тихо попросила:

– Дэн, пошли отсюда?

– Пошли, – неожиданно согласился он, хоть от Дины и не укрылся полный сожаления взгляд, который Весенин бросил на ведущую вверх лестницу.

Ей казалось, что они не слишком углубились в помещение, но на самом деле успели пересечь весь первый этаж. Дэн молча вел ее за руку, и по его виду сложно было понять, что на самом деле он думает, сердится ли на то, что на какой-то момент потерял Дину и не смог подняться на второй этаж, или, наоборот, успел увидеть все, что его интересовало, и в его вихрастой голове уже закручивается сюжет книги. Внезапно Дэн остановился так резко, словно наткнулся на препятствие.

– Там кто-то есть, – шепнул он. Но не успела Дина и рта раскрыть, чтобы напомнить, что это она и пыталась донести до него несколькими минутами раньше, как Весенин инстинктивно подтянул ее к себе и приобнял, словно желая защитить от неведомой опасности. Сумрак впереди ожил, сгустился, превращаясь в расплывчатые дымчатые тени. Заколыхались неясные силуэты, протягивая к ним длинные руки.

– Что это? Игра света?

Удивительно, но Дэн позабыл о своей камере, а Дина вдруг не к месту вспомнила. Хотя, наверное, это очень глупо – думать в такой момент о том, чтобы сделать снимок.

– Тут кто-то есть. Я же говорила об этом.

– Пойдем скорее на улицу, – спохватился Дэн и так, приобнимая Дину, решительно повел ее к выходу. Тени двинулись им навстречу, стремительно сокращая расстояние. Снова потянуло холодом, а звук шагов внезапно смолк, словно под ногами оказалась не бетонная крошка, а толстый ворсистый ковер. То, что они не выберутся отсюда, Дина поняла ясно, как и то, что над причиной их загадочной смерти потом будут ломать голову следователи, а местные старушки – сплетничать и выдвигать разнообразные версии. Чем или кем бы ни были эти странные существа, намерения у них были недружелюбные. Дэн, похоже, тоже понял, что им не уйти от уже тянувших к ним бестелесные руки теней, потому что вдруг оттолкнул Дину, а сам метнулся в сторону.

– Беги к выходу! Я их отвлеку!

– Дэн? – запротестовала она.

– У тебя дети! – рявкнул он. – И муж! И это я тебя втравил в историю!

Однако его хитрость не удалась: тени разделились, одни взяли в плотное кольцо Дэна, другие запутались невесомыми пальцами в волосах Дины. Только на этот раз их прикосновения не были ласковыми, напротив, Дина почувствовала, как что-то острое, словно птичьи когти, впилось ей в кожу головы. Другая тень, скользя ужом по спине, обвилась вокруг ее шеи. Дина крикнула от ужаса, но из стиснутого горла вырвался лишь хрип. С Дэном тоже происходило что-то страшное и непоправимое.

Но внезапно тени развеялись дымом, выпуская их из плена. Дина, тяжело дыша, упала на четвереньки и закашлялась. Дэн бросился к ней, обнял и помог встать. Чувствуя слабость во всем теле и головокружение, Дина с благодарностью оперлась на плечо друга, но заметила, что он смотрит куда-то в сторону. Она перевела взгляд и увидела стоявшую чуть поодаль молодую девушку.

– Это она их на нас напустила? – выдавила Дина. Но Дэн качнул головой.

– Эй! – позвал он. – Ты кто?

* * *

Дождевые капли расплющивались об оконное стекло и моментально превращались в длинные водяные дорожки. Лиза не удержалась и украдкой поставила пальцем несколько точек, имитируя ноты. Осенняя музыка в душе, такие же осенние мысли – с дождевым привкусом и туманными перспективами. Осенние пейзажи: бесстыдно обнаженная природа, не прикрытая пожухлыми листьями. Скорей бы выпал снег и укутал обнищавшие догола деревья в меховые шубы. Лиза любила снег – почти так же, как солнце.

Парочка, которая подсадила ее к себе в машину, вполголоса переговаривалась. Лиза не прислушивалась к разговору, но по нескольким долетевшим до ее слуха фразам поняла, что разговаривают о ней и о происшествии в пансионате. До того, как предложить подвезти ее до столицы, молодой мужчина задал несколько вопросов, ответить на которые Лиза не смогла. Она так же, как и женщина с мужчиной, не знала, что произошло в пансионате, хоть женщина и пыталась отчего-то обвинить ее в случившемся. Да, Лиза видела тени, то, как они окружили пару, а потом вдруг отступили и растворились в сумраке. Но что это были за тени, откуда они взялись, что их спугнуло – понятия не имела. Женщина, кажется, ей не поверила – сощурила недоверчиво глаза и поджала губы с полустертой помадой. Не поверила она (и на этот раз уже небезосновательно) и в придуманную Лизой историю про экскурсию в старый пансионат. Что такого примечательного в заброшенной стройке? Женщина так и спросила в лоб. Лиза лишь пожала плечами и отвернулась. Она хотела поскорее закончить этот бесполезный разговор и уйти, но ее задержал мужчина – ухватил за локоть и развернул к себе. Лиза чуть было не вырвала сердито руку, но он вдруг улыбнулся ей ласково и тепло и сам выпустил ее локоть.

– Мы просто напуганы, – извинился за резкость своей спутницы. – И так же, как и вы, не можем дать объяснения случившемуся. Тут, говорят, подростки недавно погибли.

Он испытующе посмотрел Лизе в глаза поверх очков в тонкой оправе, будто подозревая, что ей что-то известно о трагедии. Она стойко выдержала взгляд серых глаз и вновь пожала плечами.

– Мне нужно на автобус. Боюсь опоздать, – сказала, воспользовавшись паузой. Но мужчина не торопился прощаться, хоть его спутница, супруга, судя по кольцу на ее безымянном пальце, от нетерпения и холода приплясывала на месте и метала сердитые взгляды. Хрупкая и невысокая, как Дюймовочка, она зябко куталась в модное, но не очень теплое пальто, дышала в узкие ладони и прятала покрасневший нос в ярко-бирюзовый шарф.

– Куда вас подвезти?

– Дэн, нам пора! До Москвы путь неблизкий! – торопливо вмешалась женщина. Ветер растрепал ее стильную стрижку, и она раздраженно поправила темную челку, упавшую на глаза.

– Вы местная или тоже из столицы? – спросил у Лизы мужчина по имени Дэн.

– Из столицы, – нехотя ответила она, понимая, что от их общества не отвертеться.

Слава богу, по дороге с ней не пытались разговаривать. Мужчина сосредоточенно вел машину и изредка отвечал на реплики своей спутницы. Неловкость и напряжение, которые

поначалу испытывала Лиза, постепенно отступали, растворялись в мыслях. В дороге ей всегда хорошо думалось.

Вопросы мучили не только мужчину и женщину, но и ее. Только у нее они были свои. И если в вопросах спутника сквозил пережитый страх, то ее личные были с привкусом горечи с трудом сдерживаемых слез. Обман все... Обман.

Лиза вернулась мыслями к вчерашнему дню – к ощущению слежки и затем напугавшему ее звонку.

...Возможно, она поступила излишне опрометчиво, когда после двух настойчивых трелей решила открыть дверь, пусть и через предварительно накинутую цепочку. Но на площадке никого не оказалось. Никого, кроме нагло прошмыгнувшего в образовавшуюся щель кота.

– Ты откуда взялся? – спросила Лиза непрошеного гостя.

Кот поднял на нее темно-шоколадную мордочку, голубые глаза его сверкнули, а затем он громко мяукнул – то ли «отвечая» на вопрос, то ли просто приветствуя.

– Ты ошибся дверью, знаешь?

Кот презрительно фыркнул и отправился обследовать квартиру.

Конечно, он не сам позвонил ей в дверь. Лиза предположила, что кот вышел из чьей-то квартиры и перепутал этаж, а кто-то из сердобольных соседей решил, что он живет здесь. Но животное, похоже, мало волновала путаница. Вытянув шею и пригнувшись, он медленно прошелся по коридору и заглянул в кухню. Обошел ту по периметру, задержался возле холодильника, а затем отправился в комнату. Лиза, усмехаясь, следовала за «гостем», предполагая, что затем он попросится обратно. Но кот вновь вернулся на кухню и, задрав мордочку, требовательно мяукнул.

– Ты голодный?

Гость в подтверждение потерся о ее ногу.

Он не отказался ни от докторской колбасы, ни от сметаны. Съел угощение с жадностью, а затем, потеряв к хозяйке квартиры интерес, принялся неторопливо и сосредоточенно мыться. Лиза присела на корточки рядом и осторожно коснулась серо-бежевой спинки. Пальцы погрузились в густую шерсть, мягкую и плюшевую на ощупь. Это ощущение принесло ей успокоение, словно ее обнял близкий человек.

– Откуда ты такой пришел? – задумчиво произнесла она, разглядывая пушистого гостя, который не чувствовал себя потерянным, напротив, излучал довольство и безмятежность. Он был явно не уличный: сиамской породы, чистый и ухоженный. Лиза вздохнула, включила компьютер и составила текст.

– Ты подожди тут, – сказала она, когда закончила распечатывать объявления. – Найдем твоего настоящего хозяина!

Одно объявление Лиза повесила на входе в подъезд, два других – на автобусной остановке и возле дверей супермаркета. Потом купила кошачьего корма и лоток с наполнителем и поторопилась домой. Кот вышел встречать ее к дверям и приветственно мяукнул. Все то время, что Лиза выгружала покупки, он крутился возле ее ног и довольно урчал. Будто всегда тут жил, а она была его хозяйкой. Никто в тот день так и не позвонил, и Лизе ничего не оставалось, как оставить потерявшегося кота у себя на ночь. Она постелила в углу старое одеяло, но когда улеглась в постель, кот мягко вспрыгнул на кровать, прошелся пружинистым шагом по ее ногам, ткнулся усатой мордочкой ей в щеку, словно поцеловал, а затем свернулся калачиком под боком и заурчал. Он тархтел и «хрумкал» так уютно и успокаивающе, что Лиза не смогла его прогнать. Так и уснула, согретая теплом шерстяного клубка и убаюканная кошачьей колыбельной. И может, потому, что в ту ночь она засыпала не одна, впервые за долгое время ей приснился Рон.

Она шла во сне по мокрой и пустынной аллее под сплетенными в купол голыми ветвями. Туман густо стелился по земле, путался среди черных стволов, повисал клочьями на деревьях. Впереди горели желтым светом два окна на здании с остроконечной крышей. Лизе было страшно, но желание повернуть назад победило предчувствие, что вот-вот случится что-то важное, то, к чему она шла долгой и мучительной дорогой через потери, безрезультатные поиски и отчаяние. Теперь это, так сильно желаемое и ожидаемое, случится, но только если она дойдет до конца аллеи. От предвкушения она чувствовала холод в затылке и легкий озноб. С каждым шагом нетерпение становилось все невыносимей, и Лиза еле сдерживалась, чтобы не броситься вперед бегом. Конец аллеи тонул в сгустившемся тумане, и девушка едва не споткнулась о неожиданно возникшую ступень – первую в бесконечно-длинной лестнице. Дымка шлейфом стелилась за ней, когда она поднималась к темной двери, и осталась позади. Возле входа Лиза чуть помедлила, борясь с последними сомнениями. Нет, она не боялась того, что, переступив порог, уже не сможет вернуться к своей обычной жизни, ее пугало то, что за дверью никого не окажется.

Ее ждали. Она поняла это по приглушенной музыке и льющемуся сверху яркому свету. Лиза пересекла небольшой зал, на каменные стены которого серебряной краской были нанесены причудливые орнаменты, и поднялась по винтовой лестнице. Рон – такой, каким она его помнила, – одетый в кожаные брюки, белую рубашу с пышными рукавами и черную жилетку, с его экстравагантной прической и серебряной серьгой в ухе, поджидал ее на верхней площадке. Лиза остановилась на несколько ступеней ниже, молча глядя на того, кого искала так долго. От волнения все невысказанные слова сбились в горле в колючий ком, а глаза защипало от слез.

– Ты жив, – наконец-то выдохнула она.

Рон усмехнулся – той знакомой усмешкой, которая лишала ее воли, и протянул ладонь. Лиза вложила в его руку свою, ощутив вместо ожидаемого тепла прохладу кожи, и поднялась к нему.

– Ты смогла, – сказал он.

Да, она смогла. Она нашла его, как и предсказывал Владлен. Пусть путь ее был долгим и непростым, выматывающим и страшным. Она нашла его. А вместе с ним – себя.

Но не успела Лиза радостно рассмеяться и заключить Рона в объятия, как он уже отстранился и высвободил свою ладонь.

– Нет. Еще рано.

– Рон! – закричала Лиза, видя, что он уходит. – Рон!

Она бросилась за ним, но к ногам будто привязали гири – каждый шаг давался с великим трудом. Тогда как мужчина удалялся легкой и быстрой походкой.

– Рон, – простонала Лиза, когда его спина растворилась в невесть откуда взявшемся тумане. – Не бросай меня снова...

И в тот же момент поняла, что стоит на улице перед знакомым ей фасадом разрушенного пансионата, который видела на снимках в Интернете.

– Пойдем, я покажу тебе, где он, – услышала Лиза рядом с собой мальчишеский голос. Резко оглянувшись, она увидела рыжего мальчишку, фотографию которого ей прислал Владлен.

– Ты покажешь мне, где Рон? – быстро спросила Лиза.

– Я не знаю, как его зовут. Но он там. – Мальчишка махнул рукой в сторону пансионата.

И на этом месте Лиза проснулась. Разбудил ее кот, который, вспрыгнув ей на грудь, громко зашипел в темноту. Девушка торопливо нащарила выключатель и зажмурилась от брызнувшего в глаза резкого света. Кот шипеть перестал, но издал утробное урчание и выпустил когти, от которых Лизу защитило толстое одеяло.

– Ты чего? – спросила недовольно она, не столько напуганная странным поведением животного, сколько раздосадованная тем, что он не дал ей досмотреть сон. Кот сверкнул прон-

зительно-голубыми глазами, покрутился на месте и снова улегся. Но не свернулся клубком, а принял позу сфинкса.

– Похоже, спать ты не собираешься, – огорчилась Лиза. – А я вот, представь себе, да. Мне завтра рано вставать.

Рано вставать, но только не в университет. Решение поехать с утра в Подмоскowie на стройку, где нашли мертвых подростков, пришло спонтанно и показалось Лизе хоть и авантюрным, но верным. Инга бы расценила ее сон как знаковый. Сама Лиза в разгадывании снов сильна не была, но на этот раз сомнений в том, что сон не пустой, у нее не возникло...

Только, похоже, она все же ошиблась. В пансионате не оказалось никого, кроме забредшей туда парочки и... каких-то темных существ. Имели ли эти тени отношение к ее сну? И что бы случилось, не окажись в пансионате невеста откуда взявшаяся пара? Или что бы случилось, не появившись она, Лиза? Девушка скользнула взглядом по затылку водителя, по топорщащемуся вихру русских волос. Внешностью он чем-то напомнил брата Инги Вадима: правильные черты лица, русые волосы и серые глаза. Только Вадим был старше, не носил очки и был коротко стрижен. Надо будет позвонить им. Лариса, жена Вадима, уже давно сетует, что Лиза перестала приходить к ним на воскресные обеды.

Ее высадили, как она и попросила, возле метро. Путь до дома Лиза прошла пешком, надеясь развеять во время прогулки полынный привкус разочарования. Думая о скором возвращении, она порадовалась тому, что ее ожидает кот. И пусть животное надолго у нее не задержится, потому что когда-нибудь объявится его настоящий владелец, мысль о том, что ее кто-то ожидает, согревала. За робкой мечтой о том, чтобы кот остался с ней, Лиза не сразу обратила внимание на сидевшего возле подъезда молодого парня. И только когда уже почти прошла мимо, случайно бросила на него взгляд и остановилась как вкопанная. Этот мальчишка приснился ей накануне, его фотография вместе со снимками его погибших товарищей хранилась где-то у нее в почте.

Парень, заметив, что она рассматривает его, поднялся с лавочки и, не произнеся ни слова, быстро направился прочь.

– Эй! – закричала ему в спину Лиза. – Подожди!

Но рыжий проигнорировал ее оклик, продолжая торопливо удаляться. Лиза бросилась следом, но споткнулась и упала. Боли от удара она не почувствовала, вскочила на ноги тут же, но этой заминки оказалось достаточно для того, чтобы потерять парня из виду. От остановки отошел автобус, и Лиза с огорчением поняла, что рыжий уехал на нем.

4

Дэн отвез Дину к дому, а сам еще сделал круг по Садовому кольцу, размышляя над всем, что случилось за день. Нередко, когда ему нужно было обдумать зашедший в тупик сюжет, он садился в машину, включал ненавязчивую музыку и колесил по дорогам, иногда выезжая за пределы столицы. Но сейчас Дэну думалось не о сценарии, идеей которого он еще недавно так горел, а о книге. Возбуждение покалывало кончики пальцев, голову наполняли обрывочные образы, в которых то фигурировали убитые молодые женщины, то обитающие в заброшенном здании черные тени, то юная девушка с пирсингом в носу и сплетенными в косички волосами. Только что делать со всеми этими образами, Дэн не знал. Он привык писать детективы. Запутанные истории получались у него хорошо, но не только благодаря его фантазии, а еще и дотошности в изучении дел и сборе материала. Зачастую во время работы Весенин звонил Ивасину. Петр редко отказывал в помощи (Дэн потом благодарил друга гостинцами) и любил шутить, что в какой-то мере является соавтором известного писателя. Еще Дэн умел не только придумать закрученный сюжет, сделать его жизненным, а персонажей – близкими и понятными читателю, но и основательно проработать финал, разрешить все загадки, объяснить правдоподобно мотивы преступления, связать все линии, не оставить ни одного повисшего вопроса. Книги пользовались большим спросом, а Дэн гордился не своей популярностью, а правдоподобностью придуманных им историй. Но сейчас он пребывал в растерянности, потому что тому, что увидел, не было никакого объяснения. Весенин смог бы придумать в книге, кто убил ясновидящих, гармонично «вплести» в это дело погибших в пансионате подростков, «обнародовать» мотив преступления, но совершенно не знал, что делать с этими проклятыми тенями. Ему бы и хотелось отбросить их, как лишнее, перестать о них думать, но все мысли так и вертелись вокруг происшествия, которое едва не стоило им с Диной жизни. Дэн был материалистом и не верил в потустороннее. Даже когда ездил на съемки программы про экстрасенсов, был на девяносто девять процентов уверен в том, что герои действуют по заранее прописанному сценарию (один процент – на импровизацию). Ему-то об этом не знать, когда его подруга – сценаристка!

Дина сказала, что вечером займется переписыванием синопсиса и позвонит Дэну завтра. От его предложения включить случай в пансионате она наотрез отказалась: либо они пишут, как изначально задумывали, сценарий детективного кино, либо полностью меняют жанр. И хоть самому Дэну эпизод в заброшенном пансионате казался очень кинематографичным, он вынужден был согласиться. Но в книгу он обязательно его включит! И уж постарается найти случившемуся правдоподобное объяснение.

Девушка с косичками наверняка что-то знала – Дэн это понял по тому, как она упорно уходила от ответа. Поговорить бы с ней – в другой обстановке и в другом настроении. Сведений о ней было мало, но достаточно, чтобы попытаться ее отыскать. Дэн знал, что зовут ее Лизой, возле какой станции метро она проживает и где учится. Про учебу Весенин спросил как бы между прочим, и она попала на наживку – вопрос, не имеющий отношения к происшествию в пансионате. Что ж, завтра прямо с утра он наведается в этот вуз – известную и пафосную кузницу финансистов и управленцев. Почему-то то, что девушка учится в таком «громком» университете и получает скучную, на взгляд Дэна, специальность, его удивило: слишком уж неформальный был у нее облик. К ее косичкам, пирсингу и драматической грусти в черных глазах подошло бы что-то другое. Художественная академия, к примеру.

Дома Дэн первым делом включил компьютер, завел новую папку и подключил камеру. Пока копировались фотографии, он сделал себе чашку кофе и пару бутербродов. Затем набрал номер Ивасина.

– Здорово, друг! – бодро поприветствовал он Петра, когда тот ответил. – Завтра можно с тобой пообщаться? Приглашаю в «Мельницу», обед за мой счет.

Но Петр ответил, что уехал с женой на три недели в Екатеринбург к теще.

– Как же ты не вовремя! – простонал Весенин.

– Извини, друг, на этот раз не могу быть твоим «соавтором», – вздохнул Ивасин. И в этом вздохе Дэн явно различил сожаление: Петр с большим удовольствием променял бы застолье с родней жены на обед с ним.

– Ты напиши мне на почту. Чем смогу, помогу. А сейчас извини, брат, зовут, – закончил разговор Ивасин.

Дэн отложил мобильный и сделал большой глоток кофе. Затем открыл вордовский лист и торопливо записал все вопросы, которые роились у него в голове. Часть из них он отправит Петру, на другие будет искать ответы сам. С особой тщательностью, периодически увеличивая изображения и рассматривая их в деталях, Дэн просмотрел сделанные за день фотографии и с разочарованным вздохом закрыл папку. Нет, снимки получились отличные: и ракурсы, и свет. Но Дэн надеялся найти объяснение тому, что случилось в пансионате. Вдруг где-то мелькнула тень, которую он случайно заснял? Читал же он не раз о том, что на снимках можно увидеть даже привидения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.